

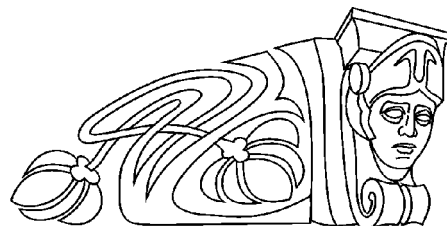

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 87–94
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 87–94
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-87-94>, EDN: TFXCAU

Научная статья
УДК [327(470+571:44)+94(6-17)]20]

Франко-российское соперничество в Северной Африке в 2010-е годы

В. Г. Дорохов[✉], Е. А. Жаронкина

Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6

Дорохов Валерий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, dorokhov905@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8229-8482>, AuthorID: 314163

Жаронкина Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, zharonkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7223-7937>, AuthorID: 563497

Аннотация. Статья посвящена соперничеству Франции и России в Северной Африке в 2010-х гг., когда распространение «арабской весны» в этом регионе исказило существовавший политический ландшафт. Рассматривается политика Франции на североафриканском направлении, а также интересы и задачи России в регионе. Отмечается изменение политико-экономических связей государств Северной Африки с мировыми акторами в условиях увеличения частоты кризисов в мировой энергетической сфере и постепенного ухудшения политической ситуации между ЕС и Россией.

Ключевые слова: Россия, Франция, Африка, североафриканский регион, ЕС, экономическое соперничество, политическое соперничество

Для цитирования: Дорохов В. Г., Жаронкина Е. А. Франко-российское соперничество в Северной Африке в 2010-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 87–94. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-87-94>, EDN: TFXCAU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Franco-Russian rivalry in North Africa in the 2010s

V. G. Dorokhov[✉], E. A. Zharonkina

Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russia

Valeriy G. Dorokhov, dorokhov905@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8229-8482>, AuthorID: 314163

Elena A. Zharonkina, zharonkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7223-7937>, AuthorID: 563497

Abstract. The article is devoted to the rivalry between France and Russia in North Africa in the 2010s, when the spread of the Arab Spring in the region distorted the existing political landscape. France's policy in North Africa, as well as Russia's interests and objectives in the region are considered. The author notes the changing political and economic ties between the North African states and global actors in the context of the increasing frequency of crises in the global energy sphere and the gradual deterioration of the political situation between the EU and Russia.

Keywords: Russia, France, Africa, North African region, EU, economic rivalry, political rivalry

For citation: Dorokhov V. G., Zharonkina E. A. Franco-Russian rivalry in North Africa in the 2010s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 87–94 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-87-94>, EDN: TFXCAU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Начало XXI века ознаменовалось значительным расширением глобализационных процессов по всему земному шару. Североафриканский регион в этом отношении всегда находился на особом положении в силу своей близости к странам, которые можно считать основными бенефициарами глобализации, будь то период первой глобализации в эпоху античного мира, или активизация средиземноморской торговли в XIV–XV вв. и тем более в XX в., Северная

Африка всегда находилась на пересечении культурных и экономических путей, долгое время являясь скорее объектом международных отношений, нежели субъектом. И если до середины XX в. ключевыми игроками в ней были конкретные государства, то вторая половина XX в. ознаменовалась проникновением на африканский континент транснациональных корпораций (ТНК). Несмотря на политические потрясения, произошедшие в период после «арабской весны»,

в регионе продолжали осуществлять свою работу такие ТНК как Exxon Mobil, Total, Halliburton и многие другие. Несмотря на то, что деятельность ТНК носила наднациональный характер, они являлись прямым порождением национальных государств и, следовательно, в той или иной мере служили проводником их внешней политики. Современная Северная Африка представляет интерес не только в силу своих богатых природных ресурсов, но и по причине стратегического расположения, являясь хозяйственно-культурным мостом между Европой и Африкой, Западной Азией и Америкой [1, с. 28]. Страны Северной Африки имеют большой потенциал с точки зрения достижения целей устойчивого развития, поскольку их схожесть обусловлена похожим историческим опытом и модернизационными усилиями по преодолению промышленной отсталости своих стран в рамках реализации национальных стратегий при учете особенностей глобализации в мире [2, с. 58]. Так ВВП стран, входящих в североафриканский регион в период с 1970 по 2016 гг. увеличился более чем в 5 раз, с 91 млрд долл. до 489 млрд долл. [3, с. 38]. Ключевыми политическими игроками из национальных государств в этом регионе можно считать Францию, США, Китай и Россию. Однако если посмотреть на это список через призму экономического влияния, то ситуация будет уже несколько иной.

В начале XXI в. наиболее глубокие корни в Северной Африке имела Французская Республика, поскольку долгое время большая часть этих территорий была под их прямым или косвенным управлением. Поэтому, когда в СМИ появлялись новости о взаимодействии ЕС с государствами Северной Африки то, как правило, речь шла о Франции или Италии, как государствах, наиболее близко расположенных к Северной Африке, обладающих большим экономическим и политическим весом в ЕС и имеющих особые интересы в этом регионе. Поскольку формирование многополярного мира стало все более отчетливо проявляться к 2010-м гг., то государства, ставшие бенефициарами этого мира (например, страны БРИКС), обострили борьбу за богатые минеральные ресурсы не только северной части Африки, но и в целом за весь континент. Несмотря на то, что представления об отсталости африканских стран все меньше соответствуют действительности, вызовы и риски (как традиционные, так и новейшие) сохранили свою актуальность до настоящего времени [4, с. 9].

Активная внешняя политика французского государства по отношению к странам Северной Африки была обусловлена тем фактом, что сам по себе африканский континент обладал большой притягательной силой для ведущих мировых держав в плане привлечения их к помощи по экономическому освоению африканских

территорий. Особенностью рассматриваемого региона можно считать то, что в нем длительное время наблюдалось значительное число острых противоречий, связанных с преодолением внутренних политических и экономических проблем, а также не всегда позитивным внешним влиянием. В частности, агрессивное поведение НАТО в 2011 г. в Ливии принесло в страну хаос и разруху, что до сих пор осложняет восстановление государственности. Столь активная позиция НАТО (и особенно Франции как члена НАТО) в североафриканском регионе была обусловлена тем, что, с одной стороны, этот регион является своеобразным «оборонительным» валом от остальной части Африки, с другой стороны, более глубокое вмешательство в дела суверенных государств в этом регионе позволяет влиять на Ближний Восток и южные рубежи России [5, с. 12].

Государства Северной Африки, получившие свою самостоятельность только во второй половине XX в. с разной степенью активности контактировали с Италией, Францией, Великобританией, США и СССР. Бывшие колониальные метрополии Великобритания и Франция, а позже и ЕС в целом, до сих пор являются крупнейшими торгово-экономическими партнерами североафриканских государств. В 2017 г. суммарный объем экспорта стран ЕС в целом в Африку достигал 149 млрд евро, причем львиная доля экспорта приходилась именно на Северную Африку [6, с. 18]. Доля же Франции, по разным оценкам, составляла в среднем 1/3 от этого объема экспорта.

Активизация внешнеполитической деятельности Франции в североафриканском регионе пришлось на период президентства Н. Саркози, стремившегося усилить позиции страны в условиях регулярного давления со стороны новых претендентов на разработку африканских углеводородных и минеральных ресурсов: Китая и России, что заставило Францию искать общие точки соприкосновения как с США, так и другими странами Запада в борьбе против новых активных игроков. В докладе «Africa Attractiveness Report» консалтинговой компании «Ernst&Yuong» за 2019 г., отмечалось, что наибольшее количество технологических проектов в целом на африканском континенте финансировалось со стороны США (463), на втором месте была Франция (329) и на третьем Великобритания (286) [7, с. 16]. В традиционном докладе ЮНКТАД о мировых инвестициях, выпущенном в 2019 г., отмечено, что по объемам инвестиций и в 2013 г., и в 2017 г. Франция занимала первое место (64 млрд долларов). Второе и третье место разделили Нидерланды (20 млрд долл. в 2013 г. и 63 млрд долл. в 2017 г.) и США (61 млрд долл. в 2013 г. и 50 млрд долл. в 2017 г.) [8]. Согласно же статическим данным, доля экспорта ЕС в Северную Африку выросла с 54 млрд евро

в 2009 г., до 76 млрд евро в 2019 г., показав рост на 30% [9].

Для противодействия политике США, России и Китая в 2007 г. в Лиссабоне был проведен саммит Евросоюз-Африка, где Франция играла ведущую скрипку по продвижению своих национальных интересов. Некоторое время спустя, было объявлено о создании Средиземноморского Союза (2008), который должен был установить более тесное взаимодействие между всеми странами Средиземноморья, но в большей степени Францией и североафриканским регионом, где она традиционно имела более сильные позиции по сравнению с Италией или Испанией [10, с. 268]. С информационной точки зрения, это мероприятие прошло вполне успешно, однако в остальном оно показало слабые результаты. В попытках усиления влияния ЕС, и в особенности Франции, в 2010 г. прошел еще один (уже третий по счету) саммит ЕС-Африка, проведенный в Триполи (Ливия). И в этом случае итоги саммита были не столь внушительными, как того хотелось бы французам. Через некоторое время разразившаяся в Ливии гражданская война создала иные условия как для Франции, так и для других внешнеполитических игроков в этом регионе.

В своем стремлении нарастить влияние в Африке, и в особенности в североафриканском регионе, ЕС в течение 2010-х гг. провел еще два саммита ЕС-Африка. Однако они только усилили имеющиеся противоречия, ведь каждый саммит стремился обозначить очередную проблему как новую возможность помощи странам Африки со стороны членов ЕС, показывая степень углубления афро-европейского взаимодействия и одновременно степень разногласий в области демократии и прав человека, изменения климата, миграции и занятости населения [11, с. 97]. На саммите ЕС-Африка, прошедшем в 2017 г. в Абиджане (Кот-д'Ивуар), были обозначены основные направления сотрудничества: 1) инвестиции в людей – образование, науку и т. д., 2) укрепление устойчивости, мира, безопасности и управления, 3) миграция и мобильность, 4) мобилизация инвестиций для проведения структурных преобразований [12, с. 42]. Столь объемная программа действия со стороны ЕС и Франции сопровождалась широкими информационными жестами, направленными на создание положительного общественного мнения в ЕС и Африканском союзе. В сентябре 2018 г. Ж.-К. Юнкер, выступая в Европарламенте, с пафосом заявлял о том, что Африке нет необходимости в благотворительности, но «она нуждается в истинном и справедливом партнерстве» [13], вероятно подразумевая, что справедливыми партнерами могут быть только страны, входящие в ЕС. Россия же мягко уходила в своей дипломатической работе с североафриканскими

странами от подобного морализаторства, считая его не слишком действенным инструментом влияния как на политическое руководство, так и на широкую общественность североафриканских государств. И, наконец, в апреле 2020 г. прошло знаковое онлайн-мероприятие, на котором очередной президент Франции Э. Макрон в качестве центральной темы постарался обозначить «...инициативы, посвященные здравоохранению и экономическому реагированию на COVID-19 на всем континенте» [14, с. 5]. Фактически Франции в 2010-х гг. пришлось работать в догоняющем режиме, используя для напоминания о себе самые неожиданные ранее форматы взаимодействия с североафриканским регионом и в целом с Африкой.

В отличие от Франции и других европейских государств, СССР свои внешние контакты с североафриканским регионом сосредоточил в первую очередь в политической плоскости, в то время как капиталистические страны ориентировались на экономическую составляющую. В 1990-х гг., после распада СССР, Россия вынуждена была резко снизить свою внешнеполитическую активность, так как ресурсов на поддержание контактов на новой коммерческой основе не хватало. Несмотря на установившуюся в начале XXI в. в Российской Федерации политическую стабильность, она все также не могла позволить себе проводить активную внешнюю политику, имеющую не только пропагандистский, но и экономический результат. «Возвращение» России в Африку было затруднено по нескольким причинам: 1) скрытое противодействие со стороны «западных партнеров» (ЕС, и в особенности, Франции, а также США); 2) вступление в 2000-е гг. в геополитическую игру за африканский континент (и в особенности за углеводороды) ряда азиатских государств, стремившихся расширить свое влияние; 3) проблемы противодействия терроризму на мировом уровне, так как ряд террористических организаций действовал очень активно и враждебно на части территории Африки, как правило это были государства южнее североафриканского региона, куда мигрировали террористы с Северной Африки.

Соответственно, Россия заходила на африканский рынок осторожно и неторопливо, по мере укрепления российской экономики в 2000-х гг. и наращивания экономической мощи национальных корпораций (Лукойл, Газпром, Северсталь, Норильский никель и др.). Именно российские корпорации стали тем тайным оружием, которое было использовано российским политическим руководством по проникновению на этот богатый рынок. Вполне логично, что стало нарастать ее соперничество и с другими государствами. В североафриканском регионе Россия более всего столкнулась именно с интересами Франции. Из 5 североафриканских государств (Марокко,

Алжир, Тунис, Ливия, Египет) только в Тунисе нет достаточных энергоресурсов, в то время как все остальные страны обладают богатыми нефтяными и газовыми месторождениями. В борьбе за энергоресурсы нет постоянных союзников или противников, есть только устойчивые экономические интересы и временные альянсы, позволяющие добиваться удовлетворения своих интересов. В таком ключе можно охарактеризовать взаимоотношения между Россией и Францией в 2010-е гг. Постепенное превращение РФ в энергетическую сверхдержаву поставило Францию перед необходимостью считаться с позицией России, которая стала более активно отстаивать свои интересы в разных частях земного шара, и в том числе в североафриканском регионе. Как у Франции, так и у России в этом регионе была долгая история политических и экономических взаимоотношений, причем только у России не было колониального шлейфа, что повышало ее шансы в развернувшейся борьбе за повышение своего статуса в отношениях с североафриканскими государствами.

В чем же заключалось преимущество России в проникновении в рассматриваемый регион? Можно предположить, что существовавшие до этого достаточно неплохие взаимоотношения с Марокко, Египтом, Тунисом, Алжиром и тем более с Ливией, были той базой, от которой стала отталкиваться новая Россия при активизации своей политики в этом регионе. В постсоветский период, когда идеологическая составляющая взаимоотношений между африканскими государствами и Россией исчезла, на первый план вышли исключительно экономические условия развития взаимоотношений, с учетом изменений в геополитике со стороны ведущих мировых акторов. Не стоит забывать тот факт, что за период 1960–1990-х гг. в СССР/РФ было подготовлено большое количество иностранных специалистов из Африки в самых различных областях, которые возвращались в свои страны и занимали потом те или иные руководящие посты, сохраняя определенные положительные воспоминания об обучении в СССР/РФ. На 2019 г. российские компании присутствовали во всех странах североафриканского региона: Марокко – «Транснефть»; Алжир – «Газпром», «Стройтрансгаз», «Транснефть»; Ливия – «Татнефть»; Египет – «Лукойл», «Роснефть», «Зарубежнефть». Однако необходимо понимать, что несмотря на рост товарооборота между странами североафриканского региона и РФ, он все еще не был слишком разнообразным. В основном это были нефтепродукты, зерно, химические удобрения и целлюлозно-бумажная продукция. Из 5 государств Северной Африки только Алжир в 2016 и 2017 гг. вошел в категорию «Главный торговый партнер России».

Укрепление позиций России как в североафриканском регионе, так и в других частях

Африки активизировало всех ее крупных геополитических и экономических соперников (США, Франция, Китай и Великобритания) и фактически стимулировало в течение 2010-х гг. активнее проводить свою внешнеполитическую линию на африканском континенте и в местах наиболее богатых нефтью и газом, несмотря на пресловутую «зеленую повестку» со стороны ЕС, стремящегося приостановить индустриальное развитие африканских государств и более плотно привязать их к своей экономической повестке. Однако возможности России по освоению минеральных ресурсов Северной Африки (впрочем, как и других частей африканского континента) сдерживались и продолжают сдерживаться отсутствием прочного институционального фундамента многостороннего сотрудничества. Например, регулярно возникавшие проблемы по сертификации сельскохозяйственной продукции – и в России, и в Африке [15, с. 5]. Конечно у России к 2020 г. сформировались очень хорошие перспективы по усилению своего присутствия в таких сферах, как энергетика (в том числе атомная), телекоммуникационные системы, разработка цифровых программ и многое другое, но следует учитывать, что успешное проникновение в данные области было бы возможно только через улучшение знания о специфике североафриканского рынка и выработке именно таких тактических и стратегических политических решений, которые лучшим образом решали бы как политические, так и экономические проблемы между Россией и этим регионом.

На период после 2008 г., когда начинается глобальный мировой кризис, старая экономическая структура мира с доминированием традиционных центров – США, Западная Европа и Япония, в условиях нарастания финансового и экономического дисбаланса 2010-х начала ослабевать, чем смогли воспользоваться новые экономические игроки: Китай, Индия, Россия, Южная Корея, Бразилия и др.

Африка (и в особенности ее северная часть) в условиях обострения соперничества старых и новых экономических центров была лакомым куском, за который стоило побороться. На этом континенте разведаны запасы многих полезных ископаемых, добывать которые выгодно экономически (марганец, золото, уран, никель, медь и др.). В этом плане стоит согласиться с мнением исследователей И. О. Абрамовой и Л. Л. Фитуни, которые отмечали, что Африка стала сама оказывать «...значимое влияние на мировую конъюнктуру в рамках глобального соперничества между основными центрами экономической силы по ряду перспективных направлений (энергоресурсы, сырье для инновационных производств, цветные, редкие и редкоземельные металлы...)» [16, с. 57]. Темпы роста ВВП в североафриканском регионе в период 2010–2019 гг. можно охарактеризовать как вполне устойчивые: Марокко – 3,4%, Алжир –

2,7%, Тунис – 1,9%, Египет – 3,9% и только Ливия выбивалась из этого ряда, показывая снижение в среднем 8,9% ежегодно [17].

Основная проблема североафриканского региона в том, что несмотря на обилие природных ресурсов, и в особенности углеводородных энергоносителей, внутренний рынок как в североафриканской, так и в остальной части Африки не имеет своих собственных емких потребителей, что автоматически привлекало внимание всех индустриальных и постиндустриальных мировых держав. Согласно данным статистики, в 2007 г. было добыто 497,3 млн тонн нефти, которые пришлось всего на 4 африканские страны: Нигерия, Ангола, Ливия и Алжир [18, с. 99]. Большая часть разведанных к 2010-м гг. нефтяных энергозапасов приходилась на Ливию, Алжир, Судан и Нигерию, кроме того, эти страны обладали еще и большими запасами природного газа, расположенного в районах морских экономических зон Нигерии, Египта, Ливии и Алжира.

Российскому проникновению в североафриканский регион помогли обострившиеся к концу 2010-х гг. противоречия между Францией и США, которые в предшествующий период способствовали целой серии «цветных» африканских революций в центральной части материка (Бурунди, Руанде, Заире, Чаде, Того и Кот-д'Ивуар). По данным шведского агентства оборонных исследований, США на 2019 г. принадлежали 33 военные базы, в то время как Франции только 16, Россия не имела ни одной [19, с. 8], и это скорее можно считать преимуществом в указанный период времени, нежели недостатком, поскольку содержание заграничной военной базы очень затратно экономически, а возможные политические преимущества не всегда очевидны в среднесрочной и особенно в долгосрочной перспективах.

Поскольку ЕС зависел в сфере энергетики от поставок из трех стран (Норвегии, России и Алжира), то вполне оправданным выглядело стремление Франции по недопущению России в североафриканский регион. Инструментами этого стали двухсторонние саммиты Франция-Африка, на которых обсуждались вопросы военного, культурного и финансового сотрудничества. Например, на саммите в 2010 г. было заявлено о выделении Африканскому Союзу 300 млн евро на укрепление системы коллективной безопасности [20, с. 35], а через возрождение деятельности Союза Арабского Магриба (июль 2012 г.) возобновились отношения между Марокко и Алжиром [21, с. 121]. Наибольшее влияние Франция стремилась оказывать на Алжир, который был одним из крупнейших игроков на международном энергетическом рынке. По состоянию на 2010 г. Алжир занимал 8-е место в мире по величине запасов природного газа (109 трлн куб. м) [22, с. 36].

Определенным провалом в российской внешней политике на североафриканском направлении можно считать события 2011 г., когда она не смогла остановить разразившуюся в 2011 г. гражданскую войну в Ливии. Военные действия в итоге привели к торможению многих проектов, в реализации которых принимала участие российская сторона. Это в свою очередь усилило позиции Франции в Алжире, находившегося в более плотной зависимости от ЕС, нежели от России. Фактически «арабская весна» стала наиболее «горячей» фазой по переделу сырьевого рынка северной Африки, так как наиболее активным участником этого процесса стал ЕС. События в нефтеносной Ливии только подтверждают это предположение. Вполне логично, что реакция России на эти события была негативной, поскольку это сдерживало реализацию проектов «Татнефти» и «Газпрома» на неопределенный срок и осложняло политическое присутствие России в этом регионе (заморозка строительства железной дороги Сирт-Бенгази, разработка месторождений и др.). Российская сторона хоть и без энтузиазма осудила действия западной коалиции, но не решилась вмешиваться в происходившие в Ливии события. Российско-французские отношения находились в этот момент на определенном подъеме (проведение года Россия-Франция в 2010 г., заключение контракта на поставку вертолетоносцев, введение долгосрочных виз для россиян и многое другое) и развернувшаяся интервенция коллективного Запада в Ливию сорвала заключение многомиллиардных контрактов на поставку российской военной техники. Начавшаяся в 2013 г. французская операция «Сервал» не добавила положительных моментов в двухсторонние взаимоотношения, тем более что французы использовали вторжение в Мали как инструмент «жесткой силы» для укрепления своих внешнеполитических позиций в Северной Африке [23, с. 3]. Впрочем, разыгрывание национальной карты в африканских условиях сослужило дурную службу французской стороне. Две последующие военные операции в Мали («Бархан» в 2014 г. и «Такуба» в 2020 г.) не смогли достичь цели по полному умиротворению и приход в это государство частной военной компании (ЧВК) «Вагнер» только усилил взаимные подозрения между французской и российской стороной по дальнейшей внешнеполитической повестке в этом регионе. Слабость французских операций заключалась в том, что все они на всем протяжении носили военный характер, не переходя на следующие фазы разрешения конфликтов, когда уже требовалось решение социально-экономических задач. Французы неизменно вовлекались в межобщинные разногласия и теряли такое ценное качество как беспристрастность [24, с. 20]. Гуманитарные мотивы вмешательства

со стороны внешних игроков во внутривосточную жизнь Северной Африки по факту смешивались с собственными политическими целями интервентов. Фактически начиная еще с периода «холодной войны» практика показала, что любые виды иностранного вторжения, независимо от их благовидных гуманитарных предлогов, приводили к обратному пропорциональным результатам, усугубляя имеющиеся проблемы и создавая новые [25, с. 17].

Однако для Франции стабильность Северной Африки имеет большее значение, нежели для России, в силу ее более близкого расположения к этому региону. Поэтому французская политика в этом регионе являлась в некотором смысле predetermined как по своему назначению, так и по своему географическому направлению. Вторжение Франции в Ливию и Мали позволило получить исламистам более наглядного и конкретного врага в ее лице, на которого можно было направить свои силы. «Движение за единство и джихад в Западной Африке» начиная с 2015 г. активно угрожало Франции проведением террористических актов на ее территории, объясняя это тем, что она напала на ислам и последователи «Движения...» должны отомстить врагам Аллаха.

У России были более гибкие возможности по своему проникновению в североафриканский регион, поскольку она не была связана многими отягчающими историческими обстоятельствами и потому могла вести более тонкую внешнеполитическую игру в этом регионе и примыкающих к нему странах. С одной стороны, Россия выражала свое недовольство действиями французских, затеявших несколько крупномасштабных военных операций, связанных больше с решением экономических проблем, нежели политических. С другой стороны, российские власти выражали готовность поддержать французский военный контингент, который мог хотя бы на какое-то время снизить хаос, воцарившийся в период «арабской весны» в Северной Африке. Своих войск в этом регионе у России не было, соответственно отстаивать свои экономические позиции она могла только дипломатическим путем.

Так как на государственном уровне РФ не стала оказывать Франции реальную поддержку в борьбе с исламистами, ограничившись только словесной риторикой, был использован косвенный путь борьбы с ними – частные военные кампании (ЧВК), как, например, «Вагнер». Россия смогла не только сохранить свое присутствие, но и даже усилить его, расширяя зону деятельности ЧВК. Основная проблема, которая мешает анализу деятельности ЧВК – отсутствие комментариев на российском государственном уровне, хотя западные страны уверены, что таким образом Москва стремилась закрепить за собой новые африканские регионы по мере ослабления возможностей западной коалиции и прежде всего

военно-политических сил Франции удерживать за собой влияние в проблемных местах.

Пытаясь перехватить африканскую информационную повестку от французов, Россия в октябре 2019 г. провела в г. Сочи первый саммит Россия-Африка, в рамках которого озвучила свой главный тезис «Россия возвращается в Африку» [26, с. 22]. Широкое представительство со стороны африканских государств обеспечило весомость проводимого мероприятия, поскольку на нем, помимо чисто политических контактов, налаживались также и деловые, с участием руководителей ведущих компаний с обеих сторон. В качестве центральной была заявлена задача выстраивания российско-африканских отношений более системно, комплексно и стратегически на долгую перспективу. Конечно, такое состояние дел не могло понравиться Франции и ЕС, попытавшимся перехватить инициативу от российской стороны. Однако начавшаяся эпидемия COVID-19 существенно затормозила их возможности, и в итоге очередной (6-й по счету) саммит прошел только в феврале 2022 г. Момент в перехватывании стратегической инициативы у российской стороны был упущен.

Как следует из вышеизложенного, соперничество Франции и России в 2010-х гг. в Северной Африке было связано с попытками перераспределения доступа к богатым полезным ископаемым этого региона, и главным образом к углеводородам. Если учитывать технические особенности российских компаний, что зашли в Северную Африку в 2000–2010-е гг., то они были готовы участвовать если не в разработке ресурсов, то хотя бы в их транспортировке, выступая в качестве важного посредника между ЕС и североафриканскими странами. Дополнительный бонус для России заключался в участии в глобальной игре между США, ЕС и Китаем. При этом если для Франции североафриканские ресурсы жизненно необходимы, то для России они являются скорее инструментом давления на «мягкое подбрюшье» ЕС в лице Франции. Российская позиция по отношению к ливийским событиям оказалась достаточно сдержанной, так как и сам театр действий располагался слишком далеко от России и имеющихся военно-политических и экономических рычагов было явно недостаточно для корректировки ситуации в нужную для себя сторону. Франция же, изначально заняв жесткую позицию по Ливии вместе с другими членами НАТО, вызвала эффект расползания «революционных идей», боевиков и оружия из Ливии. В свою очередь это потребовало введения ограниченного военного контингента на территорию ряда африканских государств, располагавшихся южнее Ливии. Конечно, для России стабильность была более выгодна, нежели неуправляемый хаос, однако возникновение реальной возможности ослабить позиции одного из ведущих игроков в Африке на определенном

этапе могло перевесить стремление к замораживанию конфликта и вывести на первый план частные экономические интересы, по крайней мере в регионе Северной Африки. Военно-техническое сотрудничество хорошо вписывается в эту логику выстраивания взаимоотношений РФ как с североафриканским регионом, так и с остальной частью Африки, подкрепляя его интенсификацией в сфере экономики, гуманитарного и информационного взаимодействия, создавая положительный фон в СМИ для усиления своего влияния не только на элиты, но и более широкую общественность тех африканских стран, с которыми РФ активизировала свою работу в 2010-х гг. Использование же ЧВК придавало больше веса российской стороне при выстраивании военно-политических связей с африканской стороной, давая потенциально более широкие инструменты для снижения влияния Франции и ЕС как на североафриканских, так и иных африканских территориях.

Список литературы

1. Сенькович В. В. Инвестиционная деятельность как направление соперничества ведущих держав за энергосырьевые ресурсы Северной Африки // Финансовый бизнес. Январь – февраль 2013. № 1 (162). С. 27–32.
2. Морозенская Е. В. Цели устойчивого развития (2016–2030): шанс для Африки // Азия и Африка сегодня. 2018. № 11. С. 58–61. <https://doi.org/10.31857/S032150750001791-2>
3. Волков С. Н., Ткаченко А. А. Северная Африка: экономическое развитие и процессы модернизации // Азия и Африка сегодня. 2018. № 12. С. 37–41. <https://doi.org/10.31857/S032150750002570-9>
4. Боришполец К. П. Стратегические интересы России в Африке // Международная аналитика. 2019. № 1–2 (27–28). С. 7–15. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-7-15>
5. Фитуни Л. Л. Подразделения и союзники ИГИЛ в Африке: среднесрочный прогноз дальнейшей активности // Азия и Африка сегодня. 2018. № 12. С. 11–17. <https://doi.org/10.31857/S032150750002566-4>
6. Денисова Т. С., Костелянец С. В. Евросоюз, Китай и Африка: сотрудничество в области содействия международному развитию (проблемы и перспективы) // Азия и Африка сегодня. 2020. № 1. С. 17–24. <https://doi.org/10.31857/S032150750008160-8>
7. Африка – Россия+: достижения, проблемы, перспективы: совместный доклад Российского совета по международным делам (РСМД) и СОЮЗА «Африканская деловая инициатива» (АДИ) Доклад № 53/2020 / А. В. Кортунов, Н. Г. Цайзер, Е. В. Харитонов, Г. А. Кочофа, Д. П. Ежов, Л. Е. Чкония; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2020. 60 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Africa-Report53-Ru.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).
8. UNCTAD, World Investment Report 2019. Special Economic Zones. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (дата обращения: 13.04.2024).
9. Eurostat Statistics Explained, Africa-EU – international trade in goods statistics. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Africa-EU_-_international_trade_in_goods_statistics&oldid=479253 (дата обращения: 03.05.2024).
10. Погосян А. С. Африка: большие интересы, большие риски // Энергетическая политика. 2020. № 10 (152). С. 52–61. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2020_10152_52
11. Лебедева Э. Е. Африка южнее Сахары в перипетиях мировой политики // Азия и Африка в современной мировой политике / отв. ред. Д. Б. Малышева, А. А. Рогожин. М. : ИМЭМО РАН, 2012. С. 96–111.
12. Биссон Л. С. Новая стратегия ЕС для Африки: в поисках подлинного партнерства // Современная Европа. 2020. № 3. С. 39–50. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320203950>
13. State of the Union 2018: Towards a new «Africa – Europe Alliance» to Deepen Economic Relations and Boost Investment and Jobs. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_5702 (дата обращения: 20.05.2024).
14. Абрамова И. О. Россия и Китай в Африке: конкуренты или партнеры? // Азия и Африка сегодня. 2020. № 9. С. 4–9. <https://doi.org/10.31857/S032150750010853-0>
15. Абрамова И. О. Россия-Африка: вызовы и возможности в новых глобальных реалиях // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 3–7.
16. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Африканский регион в контексте фундаментальных трендов и формирующихся угроз в мировой экономике и политике // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 4 (81). С. 55–69.
17. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России: доклад по итогам ситуационного анализа. М. : Международные отношения, 2021. 142 с. URL: https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2021/11/doklad_afrika_perspektivy-razvitiya.pdf (дата обращения: 18.04.2024).
18. Андреев А. М., Кельчевская Н. Р. Борьба за минерально-сырьевые ресурсы Африки: история и современное состояние // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3 (18). С. 96–101. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-3-18-96-101>
19. Аллес П. Союз Средиземноморья: государственная и региональная политика // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26, № 2. С. 266–273. [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26\(2\).266-273](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26(2).266-273)
20. Халитова А. Р. Военные аспекты политики Франции в Африке при Н. Саркози и Ф. Олланде (2007–2017 гг.) // Конфликтология/nota bene. 2019. № 3. С. 33–44. <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2019.3.31313>

21. Володина М. А. Международно-политические процессы в Северной Африке // Азия и Африка в современной мировой политике / отв. ред. Д. Б. Малышева, А. А. Рогожин. М. : ИМЭМО РАН, 2012. С. 112–122.
22. Бен Аммар Дж., Грифа М. Проблема безопасности Алжира в свете ливийского кризиса // Азия и Африка сегодня. 2018. № 8. С. 35–37. <https://doi.org/10.31857/S032150750000504-6>
23. Мезенцев С. В. Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 1. С. 3–27.
24. Сидоров А. С. Внешние операции Франции в Сахеле: пределы адаптации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2019. № 53 (69). С. 18–23.
25. Евдокимов И. Д., Дябин А. Ю. К итогам саммита Россия – Африка: взгляд из Бенина // Международная жизнь. 2019. № 12. С. 22–27.
26. Корендясов Е. Н. «Сочинский консенсус» // Азия и Африка сегодня. 2020. № 2. С. 4–11. <https://doi.org/10.31857/S032150750008466-4>

Поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 12.06.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 12.06.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025